

Нора Георгиевна Адамян

Покинутый дом

Хотя ложь еще живет, но совершенствуется только правда.

М. Горький («О мещанстве»)

Свадьбу справляли через несколько дней после того, как молодые побывали в загсе и Джемма уже больше недели жила в доме своего мужа.

На торжество пригласили и директора завода, и подруг Джеммы по цеху. Хотя жених работал на том же предприятии, все заводские считались приглашенными со стороны невесты, потому что у нее не было никакой родни, выросла в детдоме, жила в общежитии.

Зато у жениха родни оказалось много. Еще бы — такая уважаемая семья! Маленькой Джемме здорово повезло. Месяца три проработал молодой инженер Марутян на заводе — и вот уже свадьба!

Работницы пришли все вместе. Никто из них робостью не отличался, а тут притихли и держались кучкой. В большой комнате накрывали на стол. Оставаться там было неловко — будто рассматриваешь угощение. У свекрови разместились уважаемые, солидные гости. Девушки забились в комнату молодых.

Сперва Ким ухаживал за ними — поил лимонадом. И они сдержанно-церемонно благодарили, опуская глаза, будто не эти же девушки в цехе называли его на ты, и задирали по каждому поводу.

Наконец Ким догадался уйти:

— Джемма, я посмотрю, не нужно ли чего маме.

— Подожди.

Она подвела мужа к окну, оглядела, поправила кудрявую прядку, слегка прикоснулась к галстуку. Потом оттолкнула и строго сказала:

— Ну, теперь иди.

Все поняли: маленькая Джемма утверждала свое право на того, кто был до сих пор инженером, товарищем Марутяном, а теперь стал ее мужем. И никто не улыбнулся. Только Софик крикнула вслед Киму:

— Обрато не торопись, нам без тебя лучше.

Девушки плотно закрыли дверь и обступили Джемму.

— Что молчишь? — накинулась на нее Софик. — Мы все на твою свадьбу новые платья пошили. Видишь?

— Ой, вижу! — сказала Джемма.

— Ну, говори — как живешь? Это ваша комната будет?

— Наша.

— А что тебе свекровь подарила?

— Часы, — ответила Джемма.

— Золотые! А еще что?

Теперь можно было без помех рассмотреть новые шелковые одеяла на кроватях, новое платье Джеммы, свадебные подарки, сложенные на низком круглом столике.

— Честное слово, девочки, я еще сама ничего не видела, — уверяла Джемма.

— Сейчас увидишь, — пообещала Софик, — тут от завода подарок должен быть. Я сама слышала — директор местному сказал: «Не вздумай что-нибудь безвкусное купить. Помни, в какой дом пойдет. Солидную вещь бери».

У Софик были цепкие руки и зоркие глаза. Недаром, когда на нее находило настроение, она выполняла по три нормы в день, а в сезон сортировки фруктов никто не мог с ней равняться.

Сейчас из груды свертков она ловко вытащила коробку с наклейкой ювелирного магазина и аккуратно развязала шпагат.

— Ну вот, «От коллектива консервного завода». Смотри, два подстаканника и сахарница. Серебро! А коробка какая! Ты подстаканники поставь в буфет, а коробку на туалетный стол — для красоты. Ну, что там еще есть?

Девушки разворачивали пакеты и ахали над розовым шелковым бельем, тонкими чулками. Софик прикидывала на себя серую материю и вертелась перед зеркалом, трясая изжеванными перманентом кудряшками.

— Ладно, это все так, — сказала голубоглазая Мелине, — подарки, больше, меньше, — они у всех бывают. Ты скажи — свекровь какая?

— Свекровь очень хорошая, — горячо ответила Джемма, — она веселая. Я ничего не умею, она смеется. Говорит: «Ты без матери выросла, откуда тебе уметь! Теперь научишься».

— Больше не будешь на заводе работать?

— Не знаю. Ничего я, девочки, не знаю...

— А ты не теряйся, — наставительно сказала Софик, — человек никогда не должен теряться. Что значит «не знаю»? А кто знает? Сама ты хочешь работать? Это ты решай.

Отчитывая Джемму, она продолжала копаться в ворохе свертков, но тут раскрылась дверь и в комнату плавно и быстро вошла полная моложавая женщина с приветливым лицом;

— Вот где скрываются наши розы, — певуче произнесла она, — а там молодые люди, товарищи Кима, скучают, требуют общества...

Девушки расступились перед Варварой Товмасовной. Она легкими шагами подошла к Джемме, обняла ее за плечи, притянула к себе.

Джемма будто замерла в руках свекрови. Ей было непривычно всякое проявление нежных чувств, она не умела ответить на ласку этой женщины. Было трудно даже улыбнуться, и детское лицо Джеммы напряженно застыло.

— Будь хозяйкой, пригласи подруг к столу, — ласково наставляла невестку Варвара Товмасовна, прижимаясь щекой к ее каштановым волосам.

Девушки не трогались с места. Они, не скрывая любопытства, рассматривали Варвару Товмасовну, ее синее шелковое платье, волосы, уложенные волнами, руки с длинными красными ногтями.

— Я ее самое замуж бы выдала, — шепнула подругам Софик.

— К столу, дорогие, к столу! — скомандовала хозяйка.

Джемма молча потянула подруг за руки.

За длинным, блестящим от сияния хрусталя столом уже сидели гости. На месте тамады — директор завода Григорий Александрович Толоян. Дальше сослуживцы Варвары Товмасовны, родственники. Другая половина стола была отведена молодежи. Напротив тамады усадили молодых, а девушек, как они ни противились, Варвара Товмасовна разделила и разместила среди товарищей жениха.

— Что здесь происходит? — с деланным недоумением спрашивал Григорий Александрович. — Я ничего не понимаю. Для чего нас сюда позвали, что у нас торгуют, кого забирают? Еще неизвестно — согласимся мы или нет...

— Молчи, молчи! — гремел ему в ответ полный красивый человек, один из бесчисленных родственников Кима — дядя Степан. — Молчи, — кричал он, озорно подмигивая, — недоглядел, проворонил лучшее яблоко из своего сада. О чем теперь говоришь?

— А кому мы это яблоко отдали? — не сдавался Григорий Александрович. — Нет! На нас одним глазом не смотрите! Мы на мокрое место не сядем! Мы это яблоко не на сторону отдали — своему человеку, со своего завода! Как было нашим — так нашим и осталось!

Все это относилось к Джемме. Директор, которого она до сих пор видела только издали, на собраниях, говорил о ней. Этот стол был накрыт в ее честь, эта нарядная женщина, которую все так уважали, звала ее дочкой... А главное, о чем Джемма даже забывала в суতোлке дней, было то, что она теперь замужем и у нее есть муж.

Когда-то она над ним смеялась, как все девушки. Она тоже называла его «инженер-дитя» и повторяла вслед за Софик, что у него даже со спины видно, как щеки торчат. Но это было неправдой. Девушки над всем смеются. Софик смеется и над Арто, хотя сама в него влюблена. А Ким красивее, чем Арто. И щеки у него не торчат, и волосы кудрявые.

Джемма тихо тронула мужа за рукав. Ким взглянул на нее и улыбнулся.

Хлопали в ладоши люди за столом, звенели бокалы.

Старая мастерица Санам сказала, вытирая слезы:

— Хороша ли, плоха — вот она вся перед вами. Сирота, никого за спиной нет.

Если уж теперь она ваша — ей перед вами отвечать, вам за нее отвечать.

Но лучше всех говорила Варвара Товмасовна — свекровь Джеммы. Она встала между молодыми, охватив их обоих за плечи раскинутыми руками.

— Я не хочу другой дочери, чем та, которую выбрало сердце моего сына...

Голос Варвары Товмасовны, проникновенный, взволнованный, растрогал всех. Женщины вытирали слезы.

— Молодые люди нашли друг друга, полюбили и вот я счастлива их счастьем.

Говорят, мать не может быть беспристрастной. Но я горжусь своим сыном не как мать, а как человек. И сейчас, на пороге новой жизни, я повторю ему: будь честным, будь принципиальным, будь мужественным...

Варвара Товмасовна переждала, пока стихли аплодисменты.

— В старину свекровь, проверяя невестку, заставляла ее подметать пол, готовить обед. Мне это ненужно. От моей Джеммы я потребую только одного: чтоб она была полезным членом нашего общества.

Трудно было сказать лучше и красивее. И снова все хлопали и кричали «ура».

А кричать «горько» Варвара Товмасовна запретила:

— Мещанству нет места в нашем доме.

Зато все смеялись, когда Варвара Товмасовна расцеловалась с директором Толояном.

— Спасибо тебе за хорошую дочку, спасибо вам всем, — благодарила она заводских.

Что и говорить, свадьба получилась прекрасная и все остались довольны. Все, кроме Софик.

— Что за веселье, — заявила она, — речь, речь, речь... Как будто на собрании сидели. Даже не потанцевали вволю.

А кто ей мешал танцевать? Товарищи Кима играли и на пианино, и на таре.

Сын дяди Степана Рубик бил в большой медный поднос, как в бубен.

Сама Варвара Товмасовна танцевала — плыла, сдвинув брови, округляя руки.

Плясал дядя Степан, лихо перебирая ногами.

Гости хлопали — таш, таш, таш...

Нет, конечно это была веселая свадьба!

Уже на рассвете в своей комнате Джемма сказала мужу:

— А мама лучше всех. И красивая, и умная.

Ей было неловко и радостно произносить слово «мама». Она каждый раз чуть запинаясь, выговаривая его.

— Мама у меня действительно мировая, — подтвердил Ким, развязывая у зеркала галстук.

— А как мама с товарищем Толояном поцеловалась! — счастливо рассмеялась Джемма.

— Ну и что! — пожал плечами Ким. — Он не чужой человек. Тоже дядей мне доводится.

Через год у Джеммы родился сын. Джемме хотелось назвать мальчика Игорем.

Ей нравилось это имя, оно было как будто из сказки, из незнакомой жизни.

Варвара Товмасовна сказала:

— Ты знаешь, я никогда не вмешиваюсь. Я только советую. Но если у такого талантливого народа, как наш, столько прекрасных, овеянных славой имен, стоит ли искать их на стороне? Например, Тигран. Это был царь царей. При нем наша страна простиралась от моря до моря. Старинное армянское имя.

— А тогда почему ты своего сына Кимом назвала? — недовольно спросила Джемма.

Она уже привыкла говорить свекрови «ты» и называть ее мамой.

— О, то другое время было! — охотно пояснила Варвара Товмасовна. — Тогда мы увлекались революционной романтикой. Детей называли Марлен — в честь Маркса и Ленина, Ор — охрана республики. А теперь каждый народ должен беречь свои традиции, свою самобытность.

— Еще есть такое старинное великое имя — Врамшапук, — вмешался Ким и подмигнул Джемме, — будем называть Шапулькой.

— Не над всем можно смеяться, — сдвинула брови Варвара Товмасовна, — я считаю, что, например, Ваган — прекрасное имя. Оно означает — щит.

Джемма не могла спорить со свекровью по такому поводу. Вообще полагается, чтоб имя первому внуку дала бабушка. А уж тем более такая бабушка, как Варвара Товмасовна. Когда Джемма еще лежала в клинике, весь персонал удивлялся тому, как о ней заботились.

Мальчик родился ночью, а уже на заре в палату принесли корзину свежих цветов. Еду Джемме доставляли из дому. В записках Варвара Товмасовна писала: «Прошу, не ешь ничего больничного, чтоб не повредить себе и ребенку». А сладостей присылали столько, что Джемма закармила сестер и санитарок.

— Видно, хороший у тебя муж, — говорила старшая сестра. По вечерам, после процедур, она любила посидеть в палате и потолковать с женщинами о жизни.

— Это не муж. Это все свекровь, — объясняла Джемма.

Она знала, что Ким тут ни при чем, — он ведь еще совсем молодой и неопытный. Когда ночью у Джеммы начались первые боли, он испугался и стал просить: «Не рожай, потерпи как-нибудь до утра...» Сонный, в одних трусиках, он был похож на растерявшегося мальчика.

А потом в комнату быстрыми шагами вошла Варвара Товмасовна, сразу стало спокойно, и все дела сделались как надо. Джемму одели, позвонили дяде Степану, он прислал свою новую машину, и Варвара Товмасовна сама отвезла Джемму в больницу.

— Значит, эта полная в габардиновом пальто твоя свекровь? — допытывалась старшая сестра. — Хорошая, солидная женщина. А родителей у тебя нет? Сироту, значит, взяли. Что ж, бывает. Счастье иметь надо.

Все считали, что у Джеммы счастье. И она сама так думала.

В больницу за ней приехали Ким, Софик и Рубик.

Мать велела Киму одарить санитарок, когда они вынесут ребенка. От этого у Кима испортилось настроение. Он мял в кулаке бумажки и думал не о сыне, а о том, как ему передать деньги.

— Не могу я это, — жаловался он.

Рубик пришел ему на помощь, отобрал измятые, влажные деньги, непринужденно, с шутками и прибаутками рассовал их по карманам белых халатов санитарок.

— Этот ребенок первый, и пусть с вашей легкой руки сотня за ним, — провозгласил Рубик.

И няня осторожно вручила ему шелковый сверток. Все посчитали, что Рубик-отец, и смотрели на него добрыми, улыбающимися глазами.

А Ким шел позади и пытался поддерживать Джемму за локоть. Он смотрел ей в лицо и видел, что она изменилась. Сейчас уже нельзя потрепать ее по щекам, дернуть за волосы, подразнить, как он любил это делать раньше. Что-то ушло из их отношений и наверное, что-то должно прибавиться. Женщину, которую Ким осторожно вел под руку, он будто и не знал. Она улыбалась ему иначе, чем маленькая Джемма, и смотрела с тихой, умиротворенной нежностью.

У машины Рубик передал мальчика Софик, а сам сел к рулю.

— Кукла! — восхищенно сказал он. — Любой подъем берет!

Джемма улыбалась и кивала, хотя сама думала только о ребенке. Ей казалось странным, что можно говорить о чем-нибудь другом, когда на свете появилось это новое существо.

А Софик только разок приподняла угол лилового одеяла — показала Киму красное припухшее личико — и тут же со свойственной ей горячностью принялась говорить о заводских делах, как будто это было подходящее время для такого разговора.

— Слушай, если мы Пироева не отстоим — нелюди будем! Ты должен категорически сказать. Понимаешь?

— А как же, — отвечал Ким, — я им скажу, они почувствуют. Нам такого специалиста терять нельзя. Я скажу!

— У-у-у, это все Газияна дела, — закипела Софик, — Пироев пятнадцать лет на заводе. Мне наплевать на его анкету. Сейчас о ней вспомнили? Где справедливость? Для чего мне знать, кто его отец? Я его самого знаю!

Джемма сказала:

— Дай мне мальчика. Ты его еще уронишь.

Софик засмеялась.

— Нет. Я его в дом внесу. Пусть твоя свекровь на меня добрым глазом посмотрит.

Варвара Товмасовна ждала на лестничной площадке. В ее глазах дрожали слезы. Она надела Джемме на палец кольцо с блестящим камешком.

Лиловое одеяло развернули на широкой родительской кровати. Вызывая умиление столпившихся вокруг него людей, мальчик изо всех сил потягивался, сжимая крохотные кулаки. Потом зевнул и стал вертеть головой, шевелить губами.

Джемму уложили в постель. Она кормила ребенка и украдкой вытаскивала из пеленок его ручки с удивительно красивыми ноготками, поглаживала темные волосы, такие мягкие, что пальцы их почти не ощущали.

В соседней комнате Варвара Товмасовна разливала по рюмкам пахучий коньяк и приговаривала:

— Это Киму за хорошего внука, это Софик за то, что внесла его в дом, это Рубику за то, что отвез в больницу одну, а привез двоих.

— Машина моя такая счастливая, — ввернул Рубик.

И тут уже Софик не могла смолчать:

— Гордишься, будто на свои деньги ее купил.

— А то на чьи? На сбережения от своей стипендии, — благодушно рассмеялся Рубик.

— Немножко и мы знаем, сколько машина стоит, — не унималась Софик, — за все время учения столько не накопишь, а ты всего на третьем курсе.

Рубик уже стал сердиться.

— У меня отец тысячу рублей получает.

— Ну, я не понимаю — как живут люди? Тысячу рублей получают, семью кормят, одевают и еще на сбережения машину приобретают. Почему я так не могу?

— А ты получаешь тысячу рублей? — строго спросила Варвара Товмасовна. — Тысяча рублей — это что, маленькие деньги, по-твоему? Если государство выпускает машины в индивидуальное пользование, значит каждый трудящийся может их купить на свои трудовые сбережения.

Софик не стала слушать. Она собралась домой.

Джемма шепнула ей:

— Приходи в субботу. Гости будут.

Софик невесело усмехнулась и кивнула на соседнюю комнату.

— Ничего, она добрая, — успокоила подругу Джемма.

— Я злая, — покачала головой Софик.

Злая, не злая, а умела она создавать людям душевное беспокойство. Недаром после такого богатого событиями дня, после первого купания мальчика, в минуту, когда Ким стоял над его кроваткой, Джемма спросила мужа:

— А где работает дядя Степан?

— В Заготзерне, что ли, — неохотно ответил Ким. — Посмотри, честное слово, он улыбнулся!..

— Это пока рефлекс, — важно ответила Джемма. Она изучила книгу «Мать и дитя».

— Дядя Степан человек умелый, — пояснил Ким, — он и дом себе построил будто бы на сбережения...

— А мама об этом знает? — строго спросила Джемма.

Не отвечая, Ким испуганно зашептал:

— Ой, он плакать хочет... Что с ним делать?

В доме опять готовилось торжество, и, как всегда в таких случаях, появилась дальняя родственница тетя Калипсе. Она загоняла домработницу, все время требовала:

— Мясо должно быть изысканно хорошее. Рыба должна быть высшего сорта.

Я не допущу, чтобы на этом столе было что-нибудь не изысканное.

Джемма не любила тетю Калипсе. Неуловимым движением глаз и бровей старуха выказывала пренебрежение молодой невестке. Джемма слышала, как

она говорила соседке: «Бедная Варвара! Единственного сына женила — и ни сватьев, ни родни. В гости не к кому сходить, совета не с кем держать. Этому дому разве такую невестку надо!»

Но теперь тетя Калипсе была совсем другая. Она шумно восторгалась Ваганчиком:

— Невиданный ребенок! Красавец! Богатырь! Давид Сасунский!

А Джемме сказала:

— Теперь ты настоящая хозяйка. Укрепились.

В эти дни входные двери не запирались — непрерывно появлялись гости. Заехал и директор завода Григорий Александрович. В подарок привез большие банки варенья и компотов. Он на минутку остановился у кровати Ваганчика, двумя пальцами неловко похлопал по щечке новорожденного.

— Приглашали в субботу, а я уж решил сегодня. В субботу у нас собрание — то да се.

Варвара Товмасовна увела его в свою комнату — пить кофе. А вечером она осторожно спросила Кима:

— Ты что, собираешься выступить против директора?

— Дядя Голоян уже пожаловался?

— Не важно кто, — спокойно сказала Варвара Товмасовна.

— Они все на поводу у начальника отдела кадров, вот мы им и дадим по носу, — пообещал Ким.

Варвара Товмасовна промолчала. Разговор возобновился на другой день.

— Ты, наверное, завтра удержишься? Ведь у вас, кажется, собрание? Между прочим, я выяснила: вопрос об увольнении этого Пироева согласован в соответствующей инстанции. Вы зря собираетесь ломать копыя.

— Откуда они знают Пироева! — угрюмо сказал Ким. — Пироев прекрасный мастер и человек, на заводе много лет. А мы понимаем, кто его хочет съесть.

Варвара Товмасовна выпрямилась:

— Выбери выражения. Не распускайся. И откуда такая уверенность в том, что ты, новоиспеченный специалист, понимаешь все лучше старых, испытанных товарищей?

— Нечего тут понимать. Газиян — перестраховщик и подлец. Копаются в своих бумагах, и ему нет дела до людей. Он нашел в анкете Пироева...

— Меня не интересует, что он нашел в анкете Пироева. Но мне кажется, что ты идешь на поводу у недисциплинированной части молодежи. А ты только начинаешь свою общественную жизнь, и тебе надо быть особенно осторожным.

— Я знаю, что Пироев полезный и честный работник. И для меня это вопрос принципа.

— Ким, — проникновенно сказала Варвара Товмасовна, — как ты думаешь — я могу посоветовать тебе плохое? Ты имеешь представление о том, что такое настоящая принципиальность? Это когда человек выполняет волю своего начальника, как солдат волю командира. Не рассуждая. Даже иногда, как сказал Владимир Маяковский, «наступая на горло собственной песне».

Она то понижала голос до шепота, то выговаривала слова громко и четко, будто вколачивая их в сознание сына.

— А потом? — вдруг крикнул Ким. — Что потом? Промолчать? Все знают мое мнение.

Мальчик, задремавший у груди Джеммы, закричал и снова открыл глаза. Джемма с досадой замахала рукой.

Варвара Товмасовна, молодая и красивая в своем сером блестящем халате, взяла под руку сына и вывела его из комнаты.

— Ты ни в коем случае не можешь промолчать. Ты как раз непременно должен выступить...

Она еще долго говорила в столовой, говорила и утром, перед тем как уйти на работу. Джемма сквозь сон слышала мягкий, мелодичный голос свекрови. Ее интонации можно было пропеть как песню.

День выдался хлопотливый. Джемма выкупала сына пораньше — сразу после обеда — и к вечеру нарядила в кофточку, вязанную из гаруса, и в такой же чепчик. В белом мальчик был как муха в молоке — черноволосый, темноглазый. Уже ясно, что глазки не серые, мамины, а черные, отцовские. Чистенький, сытый ребенок лежал в кроватке, важно моргая.

Одеваясь, Джемма все оглядывалась на него и думала: «Вот он, первый по крови родной мне человек. Хочу, чтоб он был моим другом с самого детства. Я ему скажу: „Не капризничай, сынок, не огорчай свою маму...“ Только так, ласково буду воспитывать моего маленького».

И, радостно ощущая в теле прежнюю девичью легкость, Джемма в первый раз за много месяцев надела нарядное платье и туфли на каблуках. Она расчесала и собрала в пышный узел свои недлинные каштановые волосы, слегка подкрасила губы. Пусть все видят, какие они красивые — мать и ребенок!

Она действительно была красивая, ей хотелось, чтоб и муж это заметил. Но Ким пришел усталый, раздраженный, будто и не на праздник в честь своего первенца.

— Перемени хоть рубашку, — обиженно сказала Джемма.

А Ким все сидел у стола и даже не посмотрел на сына.

— Перемени рубашку, — еще раз повторила она.

Ким наконец поднялся и снял пиджак. В это время в передней прозвучал резкий звонок. Кто-то нетерпеливо нажимал кнопку.

— Верно, дядя Степан! — Джемма побежала в переднюю и распахнула дверь.

В подъезде стояла Софик. Она пришла не в гости. Измазанный ватник был надет на синюю спецовку, растрепанные волосы выбивались из-под платка.

— Твой муж пришел? — сквозь стиснутые зубы спросила она.

Джемма отстранилась от двери и обернулась. В глубине передней стоял Ким без пиджака и без галстука, в расстегнутой на груди сорочке. Он смотрел на Софик, и Джемма увидела, что Ким боится ее. Жалким и испуганным было его лицо.

— Инженер-дитя, — брезгливо сказала Софик, — я плюю на твою совесть, инженер-дитя.

Она резко повернулась и застучала по лестнице грубыми туфлями.

Тогда, не понимая, что произошло, не понимая, зачем она это делает, Джемма бросилась за ней, цепляясь за перила. Она выбежала на холодную улицу, протягивая руки, чтоб удержать и вернуть подругу.

Сверху кто-то встревоженно кричал:

— Ах, ах, без пальто, без пальто...

На последнем курсе медицинского института Джемма полюбила. Любовь вторглась в ее спокойную жизнь как несчастье. Она приносила больше страданий, чем радости, но отказаться от нее было невыносимо трудно.

В первые годы учения Джемма чувствовала себя в институте одинокой и обособленной.

Первокурсники — вчерашние школьники — занимали друг у друга по пятьдесят копеек, бегали между лекциями в булочную за пончиками, всей группой отправлялись в кино. К занятиям они относились легкомысленно. На лекциях болтали, перекидывались бумажными шариками. Однажды преподаватель латыни, высокий старик, поймал такой шарик и строго обратился к Джемме:

— Это вы сделали?

Джемма была не столько обижена, сколько удивлена. Неужели она похожа на этих девочек? Ей казалось, что она намного старше, — жена, мать, серьезная женщина!

Но скоро безликая шумная масса распалась на отдельных людей, и все они стали ее товарищами. Теперь, засидевшись в лаборатории или институтской библиотеке, Джемма не отказывалась от своей доли булки и вместе со всеми убегала с лекции в кино на дневные сеансы.

Часто товарищи занимались у нее дома. Варвара Товмасовна варила им черный кофе, приносила сладости и забирала из комнаты маленького Ваганчика.

— Да, так можно учиться, — завидовали подруги, — какие у тебя заботы!

Забот действительно не было. В налаженном, благоустроенном доме все делалось вовремя. И все-таки Джемма училась не очень хорошо. Ей было неприятно брать в руки человеческие кости, трудно было привыкнуть к анатомичке, и она со страхом думала о том, что когда-нибудь ей придется самой разрезать скальпелем живое человеческое тело.

С самого начала Джемме не хотелось учиться медицине. Она предпочла бы вернуться работать на завод. Джемма робко заговорила об этом, но одобрения не получила.

Варвара Товмасовна рассудила так, что с ней нельзя было спорить:

— Государство предоставляет тебе право на образование. Семья создает условия для учения. Если ты не получишь диплома, люди просто перестанут тебя уважать. А насчет выбора профессии — так самая благородная, гуманная, подходящая для женщины — это профессия врача! И когда дома свой врач — это тоже как-то спокойнее.

Вот так Джемма поступила в медицинский институт. На последнем курсе она поняла, что любит Сергея, товарища, с которым проучилась пять лет. Это произошло неожиданно. Во всяком случае было время, когда Джемма поправляла Сергею галстук, критически оглядывала его единственный костюм и наставляла, как вести себя на свидании с хорошенькой филологичкой, в которую Сергей был влюблен.

Потом Джемма и Сергей проходили практику — курировали больных в терапевтической клинике. Джемме досталась старуха, у которой обнаружили симптомы всех болезней. Один день она описывала ярко выраженную язву желудка, другой раз подробно рассказывала все признаки воспаления почек. Кроме того, у нее было повышенное кровяное давление и хрипы в легких.

Джемма поставила четыре диагноза — и все под вопросом. Профессор Симонян, язвительный и безжалостный, весело сказал:

— Ого! Да у нас тут целый букет!

А Сергей вел наблюдение над мальчиком с какой-то сложной и тяжелой болезнью крови. Мальчика скоро выписали из клиники.

— Пусть умрет дома, — сказала мать, и врачи с ней не спорили.

Но Сергей не оставил больного. По нескольку раз в день он бегал на окраину города, делал уколы и внутривенные вливания.

Потом он связался с республиканским Институтом крови, завел переписку с Москвой, получал новые препараты и таскал к больному профессором, просаживая на такси свою стипендию.

Джемма говорила ему:

— Оставь. Ну что ты там можешь сделать?

Он, будто не слыша ее, просил:

— Пойдем со мной, а? Посмотри свежими глазами. Кажется, есть некоторое улучшение.

Однажды глубокой ночью в квартире Марутянов раздался телефонный звонок.

— Джемма, — говорил Сергей, задыхаясь, — кажется, у кого-то из твоей родни есть машина. Заезжай в аптеку, возьми кислородную подушку.

Ким поднял голову:

— Начались прелести врачебной профессии?

— Что же делать? — Джемма растерялась. — Попрошу Рубика...

— Не звони Рубику, — ответил сонный Ким, — мама против.

Верно. Дядя Степан больше не бывал в их доме. Произошла какая-то неприятность, и его сняли с работы. По этому поводу у него было длительное объяснение с Варварой Товмасовной. Очень убедительно получилось, что он ни в чем не виноват. Кто-то воспользовался неопытностью и доверчивостью дяди Степана и запутал его.

Варвара Товмасовна слушала очень внимательно, вопросов не задавала, а под конец беседы объявила: «У нас „просто так“ человека не снимут. Пока ты не будешь восстановлен, я думаю, тебе лучше не показываться на людях».

Джемма решила, что дядя Степан обидится. Но он не обиделся. В гости не приходил, но звонил по телефону и обстоятельно докладывал Варваре

Товмасовне запутанные ходы своего дела. Она коротко отвечала: «А у Мамиконяна был? А с Иваном Сергеевичем говорил?»

При таких обстоятельствах беспокоить семью дяди Степана было неловко. Но из квартиры Варвары Товмасовны, которая всегда все слышала, раздался властный голос:

— Нечего церемониться. Раз вам нужно — звони. За счастье сочтут.

В самом деле, ведь не могла Джемма бежать ночью через весь город! А Сергей не сомневался, что она приедет. Он и не просил прийти, а коротко сказал: «Приезжай».

Краснея у телефона, Джемма позвонила Рубику. Хорошо еще домашние не знали, что она не имеет никакого отношения к этому больному.

Ночью стоять одной на улице было страшновато. Джемма прислушивалась, не идет ли машина, и злилась на Сергея.

Рубик подкатил «Победу» к парадному и в ответ на робкие извинения сказал с достоинством:

— Мы для своих родственников на все готовы. Хорошо, если бы некоторые получше это знали.

В машине злость на Сергея прошла. Джемма снисходительно подумала: «Наверное, растерялся, струсил».

Освещенные желтым светом окна в маленьком покосившемся черном доме уже вызывали тревогу. Во дворике сидели две сгорбленные старухи. В разворошенной, неприглядной комнате металась женщина, неподвижно сидел у стола человек с дрожащим лицом.

Только Сергей был удивительно собран и спокоен. Женщина бросилась к Джемме, как будто она принесла спасение.

— Что надо? Что надо делать? — свистящим шепотом спрашивала мать.

Сергей быстро разобрал ампулы и наполнил шприц. На тахте под сбитыми простынями лежал обессиленный ребенок с черными провалами у глаз и носа.

Джемме хотелось скорее уйти, убежать из этой душной, охваченной горем комнаты. Для чего она здесь? Ведь видел же Сергей, что спасти мальчика нельзя!

Только уловив последний вздох и закрыв усопшему глаза, Сергей опустил руки. Пронзительно крикнула женщина, раздались глухие рыдания отца, в комнату, причитая, вползли старухи.

Джемму пугало чужое горе. Она с раздражением думала о том, что незачем было Сергею подвергать ее, да и себя такому тяжкому испытанию. И вместе с тем именно в эту минуту Сергей показался ей удивительным, ни на кого не похожим.

Они до утра ходили по городу Сергей просил:

— Побудь со мной...

С той ночи они стали искать друг друга в клиниках, в институте, в библиотеке. По вечерам, оглядываясь, боясь, что ее увидят, Джемма уходила с Сергеем на окраину города — к мосту через реку Зангу. Им хотелось быть вместе каждый день, каждый час, всегда.

Раньше, бывало, Сергей приходил запросто заниматься домой к Джемме. Сейчас он перестал бывать у Марутянов.

— Я и тебя оттуда вытащу!

— А Ваганчик? — тихо напоминала Джемма.

— Ребенок — это тоже ты.

Иногда они отправлялись к старой и самой близкой подруге Джеммы. Пополневшая, будто выросшая, Софик была теперь старшей мастерицей цеха, членом бюро парткома. Но в остальном она нисколько не изменилась. Недостигаемый Арто уже был ее мужем, а в новой пустоватой квартире бегали, ползали и шумели трое черных, как жуки, ребят.

Счастье, что по вечерам дети рано засыпали.

Софик угощала гостей чаем и пирогами собственноручного производства. Она ими очень гордилась, хотя Джемма объявляла их несъедобными.

Софик не обижалась:

— Ну да, у вас, конечно, зефиры-пломбиры. А мои ребята все, что помягче камня, сжуют и спасибо скажут.

От подруги у Джеммы секретов не было. Но Софик являлась сторонницей решительных мер. Тряхнув головой — эта привычка у нее осталась, — она требовала:

— Надо скорей кончать. Забирай сына и уходи. Я тут большой трагедии не вижу.

Джемма горько усмехалась. Разве это так просто? Какой удар будет для Варвары Товмасовны! А Ким, который ее так любит!

— Ну и сиди тогда с ними, — сердилась Софик. — Ким ее любит! Не бойся, ничего с ним не сделается. Он уже налево-направо глазами косит.

Софик плохо относилась к Киму. А ведь не легко сломать налаженную, спокойную жизнь.

— Просто ты меня не так уж крепко любишь, — говорил Сергей.

Нет! Джемма его любила. Она любила его за то, что не все в нем понимала, за то, что могла ему удивляться, за то, что чувствовала в нем силу, которой не было в ее душе.

Наконец они договорились. После экзаменов в день окончания института Джемма уйдет из дому и они отправятся в любое место, куда назначат молодых врачей.

Было начало лета. Под ногами клубился тополевый пух, на перекрестках продавали мелкие розы, связанные в тугие пучки и обложенные душистыми, прохладными листьями сусанбара.

В один из вечеров Ким вырвал из рук жены шляпу и швырнул на пол.

— Довольно тебе, — крикнул он срывающимся голосом, — сказку из меня сделала... Сиди дома!

Джемма еще не научилась врать. Она покраснела. Неуверенно спросила:

— Что с тобой?

— А то, что надо мной все товарищи смеются! Ты что, меня на улице нашла?

И кто он такой, чтоб отнимать у меня жену? Кто он такой?

На это было очень трудно ответить. Джемма, собравшись с силами, сказала:

— Я от тебя уйду.

— Нет! — еще громче закричал Ким. — Я уже сказал — не уйдешь!

«Не понимает», — с тоской подумала Джемма.

Ей стало жаль мужа, будто он был такой же ребенок, как Ваганчик. Все так же бессмысленно Ким требовал:

— Нет, мне интересно — а кто он такой? Какой-то студент несчастный...

В комнату без стука вошла Варвара Товмасовна.

— Если ссоритесь, то по крайней мере тише. Нельзя так распускаться.

Она говорила шутливо, а сама оглядывала сына и невестку зоркими, осторожными глазами.

— Пойди успокойся, — приказала она Киму.

И он вышел, опустив кудрявую голову.

Свекровь подошла к Джемме.

— Ты меня называешь мамой. И я прошу только одного — будь со мной откровенна, как с матерью. Поделись тем, что тебя мучает. Мне все равно — Ким или ты. Вы оба мои дети и оба мне дороги. Я не дам тебе плохого совета, дитя мое.

Джемма сказала:

— Я хочу развестись с Кимом.

На лице Варвары Товмасовны ничего не отразилось. Оно осталось таким же участливо-внимательным, а ее красивая белая рука поощрительно гладила плечо невестки.

Так же участливо Варвара Товмасовна выслушала короткую и сбивчивую исповедь Джеммы. Она не оттолкнула ее от себя с гневом и презрением. Она сказала:

— Видишь, Джемма, это все очень серьезные вопросы, а ты собралась решать их наспех, очертя голову. Ты забыла о ребенке. Ему не легко будет расти без материнской ласки. Я уже не говорю о том, что Ким ни в чем не виноват перед тобой. За что же ты хочешь разрушить его семью?

Она говорила, а Джемма в это время думала, что Сергей ждет у последней остановки автобуса. Он терпеливый, он будет долго ждать, может быть, она еще успеет...

— А сегодня я тебе не советую выходить из дому. Обдумай все, о чем мы с тобой побеседовали. Прими ванну. Почитай Ваганчику книгу. Ребенок совсем тебя не видит.

На другой день Ким оформил отпуск. Он был уже начальником цеха. Отпуск в начале лета не входил в его планы, но Варвара Товмасовна посоветовала ему окружить Джемму вниманием и заботами. Ким каждый день провожал жену в институт и ждал на улице. А институт уже, собственно, можно было и не посещать — оставался всего один экзамен. И Джемма перестала выходить из дому.

За это время с Сергеем удалось встретиться только один раз.

— Если позволишь, я одним словом прекращу все это, — убеждал Сергей. — Или, наконец, просто скажи ему, что он тебе не нужен. После этого ни один мужчина не будет навязываться женщине. Поверь мне.

У Сергея и у Софик были примерно одинаковые взгляды и одинаковые суждения о жизни.

Джемма попробовала говорить с Софик вескими словами Варвары Товмасовны, но подруга пренебрежительно отмахнулась:

— Как-нибудь наше советское государство не покачнется, если ты бросишь мужа. Очень уж вы с этим делом носитесь. Весь завод гудит. Ким характеристику потребовал — на трех страницах. Так расписали — прямо человек будущего. Недостатков нет. А ты, глупая, не хочешь с ним жить, ай-ай-ай!..

За два дня до последнего экзамена Джемму вызвали в комитет комсомола института. Ким собрался пойти с ней. Она взмолилась:

— Не надо... Прошу...

Джемма вошла в кабинет, еще не зная, о чем придется говорить. Слабо надеялась — может быть, о предстоящем назначении.

За столом сидели секретарь Семен Каспарян и два члена бюро — девушка-лаборант Галиева и студент четвертого курса Усанов. Некоторое время все молчали. Каспарян прокашлялся, для чего-то постучал карандашом о стол.

— Так вот, значит, как, товарищ Марутян, — начал он, — значит, нам хотелось бы поговорить с тобой по душам... И попутно, значит, выяснить некоторые обстоятельства твоей личной жизни...

Джемма молча наклонила голову. Секретарь беспомощно огляделся и сделал знак Галиевой. Та нахмурилась и пожала плечами.

Тогда Каспарян спросил:

— Ты уже получила назначение?

— Нет, — ответила Джемма. — Не знаю, — поправились она.

Ей было известно, что она оставлена в городе и должна работать в лаборатории поликлиники. Но она дала слово поехать в район вместе с Сергеем.

— Как это не знаешь? — сказал Каспарян, раздражаясь оттого, что не мог начать нужного разговора. — Вот твое направление... вот личное дело...

— Я хочу поехать в село, — возразила Джемма.

— Что значит в село? У тебя, кажется, здесь муж, семья.

— Нет, так мы ни до чего не договоримся, — резко, без улыбки, сказала Галиева. — Товарищ Марутян, нам надо разобраться в твоём семейном деле. У нас есть заявление, что ты хочешь оставить мужа и ребенка...

— Я не хочу оставить ребенка! — встрепенулась Джемма.

Галиева, не слушая ее, продолжала:

— И связать свою жизнь со студентом Азизовым. Вот об этом мы хотели с тобой поговорить.

Она откинулась на спинку стула.

Теперь Каспаряну было уже гораздо легче. Он вытянул из вороха бумаг исписанные на машинке листы и положил их перед собой.

— Здесь характеристика твоего мужа с завода, где он проработал больше семи лет. Мнение о нем положительное, но бывает, что человек в личной жизни ведет себя иначе, чем на производстве. Что ты скажешь?

Джемма молчала.

Каспарян спросил:

— Он пьет? Или, может быть, как-нибудь нехорошо поступает по отношению к тебе?

Что могла ответить Джемма? Разве могла она объяснить, что с Кимом ей неинтересно и скучно, что ее раздражает каждое его слово и движение, что она перестала уважать его, а любви, может, никогда и не было.

— Я его разлюбила, — хрипло, с трудом выговорила она слово, которое почти невозможно было произнести в этой комнате, перед столом, застланным красным в чернильных пятнах сукном.

Третий член бюро, Усанов, резко встал с места и, подхватив портфель, сумрачно сказал:

— Ну, я ухожу. Это, знаете, не для меня.

Каспарян молча проводил его взглядом. Галиева сказала грустно и негромко:

— А потом разлюбишь Азизова. Так ведь можно без конца. И о ребенке ты не подумала. Хорошо ли ему будет без матери?

«Почему без матери?» — хотела спросить Джемма. И вдруг поняла: дома уже все решили — ей не отдадут мальчика. Варвара Товмасовна не отдаст.

— Знаешь, что, товарищ Марутян, — дружески качнувшись в сторону Джеммы, сказал секретарь, — давай так: мы это дело пока прикроем. А то им, знаешь ли, даже в райкоме заинтересовались — звонили мне. Ты постарайся все же сохранить семью. Разбить легко, а создать трудно. Это общий закон. А у тебя семья неплохая. Ты была работницей, а сейчас уже врач. Значит, ты выросла в своей семье. Верно? И у тебя нет серьезных оснований для развода. Ну, договорились?

Он ждал ее согласия, но Джемма молчала.

На обратном пути она встретила Сергея и не таясь пошла с ним по улице. Он заглядывал ей в глаза:

— Через два дня мы будем вместе, да?

— Тебя вызывали в комитет комсомола? — спросила Джемма.

— Мне переменили назначение. Копейск, на Урале. Но ведь это все равно.

— Это все она сделала, — с ненавистью сказала Джемма. — А потом не отдаст мне Ваганчика...

— Мальчик будет с нами. Я обещаю тебе. Ты мне веришь?

— Я никому больше не верю. Я не знаю, что мне делать. Все говорят, что нам нельзя быть вместе.

— Это неверно. — Он взял ее руки в свои большие ладони. — Если мне не веришь, пойдем в партийный комитет! Там поймут. Семья должна быть радостью, а не оковами.

Она покачала головой:

— Никуда я больше не пойду...

И на этом все кончилось. После экзамена у ворот института ее встретил Ваганчик в новой матроске, с букетом цветов. Ким оказал:

— Сыну не терпелось поздравить тебя.

В доме были гости. С веранды тянуло шашлычным чадом.

— Поздравляю тебя, дочка, с высшим образованием. Вот мы с тобой и достигли цели. Поздравляю! — громко и торжественно провозгласила Варвара Товмасовна и поцеловала Джемму в лоб.

Как будто ничего не было — ни разговоров, ни объяснения. Как будто она не знала, что Джемма больше не любит ее сына. Как же так можно!

В своей комнате Джемма заплакала.

Через полчаса дверь приоткрылась. В щель втокнули Ваганчика, за ним просунулась голова Варвары Товмасовны:

— Скажи: «Мамочка, гости хотят выпить за здоровье нового доктора», — шепотом подсказывала она внуку. — Скажи: «Мамочка, выйди к столу». Скажи, Ваганчик, скажи, деточка!

Марутяны купили новую мебель. Дорогую, из дерева «птичий глаз». Джемма три недели ездила в магазины, как на службу, выстаивала у прилавка по несколько часов. Туда же приезжали: жена академика Бадьяна, мать писателя Малунца и еще многие видные люди. Было точно известно, что мебель

получена, но никто не знал, сколько комплектов и когда ее «выбросят». Директор магазина ходил с непроницаемым лицом. Дамы провожали его подобострастными улыбками и заигрывали:

— Как этот мужчина всех нас мучиться заставляет!

— Только одного слова ждем: когда?

Джемма числилась седьмой в очереди, а комплектов по слухам было только четыре. Кроме того, директору непрерывно звонили по телефону. Женщины в очереди замолкали и вытягивали шеи. Двери маленького кабинета выходили прямо в магазин. Оттуда доносились односложные ответы:

— Да. Получено. Нет. Меньше. Сделаю. Да. Возможно. Сообщу.

Определенно речь шла о мебели. Джемма нервничала. Наконец Ким рассердился:

— Что ты в самом деле такой простой вещи устроить не можешь? В котором часу этот магазин закрывается?

Он подъехал к тому времени, когда из магазина вышел последний посетитель, молча отстранил уборщицу и ступил в кабинет, подталкивая перед собой Джемму. Там он огляделся и покачал головой:

— Да! Плохо, плохо заботятся о ведущих специалистах торговли. В каких условиях приходится работать!

Директор скорбно склонил голову на плечо и развел руками:

— Кто о нас думает...

Поговорили о последнем футбольном матче, о новой марке коньяка, и Ким между прочим заметил:

— Кстати, наш завод начал выпускать продукцию из отборного сырья. Я там несколько баночек захватил. Экстра.

Шофер втащил в кабинет большой ящик.

— Как-то неудобно... — поежился директор.

— Почему неудобно? — удивился Ким. — Я вам, дорогой товарищ, не взятку даю. С вас сорок семь рублей тридцать две копейки. Себестоимость. Позвольте получить.

Пока директор отсчитывал деньги и звякал копейками, Джемма смотрела на пол.

— Могу выдать чек, — пошутил Ким.

О мебели не было сказано ни слова.

В машине Ким объяснил жене:

— А продавщице ты сама что-нибудь сунь. Какие-нибудь женские штучки — духи, чулки. Неужели и этому надо учить?

— Вы действительно варенье экстра стали делать?

— Какое там! — усмехнулся муж. — Самые обыкновенные консервы. Пусть эта мебель обойдется нам на пятьсот рублей дороже. Зато нечего тебе бегать в магазин каждый день. Сами сообщат.

Дня через три Джемме позвонили — приходите.

В магазине ей выдали чек, помеченный завтрашним числом, и предупредили — с утра пораньше, прямо в кассу.

Никто из стоящих в очереди мебели не получил.

Перед Джеммой в кассу уплатил незаметный человек в обтрепанном пальто, затем дама в каракулевом жакете. Во дворе быстро грузили упакованные гарнитуры на платформы автомашин.

Новая обстановка очень украсила квартиру. Хрустальная посуда великолепно выглядела в обтекаемом буфете. Ким одобрил:

— Стоило этому жулику взятку дать. Ничего не скажешь.

Варвара Товмасовна тоже одобрила:

— И строго, и стильно.

Больше всех восхищалась тетя Калипсе:

— Вот это уже по-моему! Вот это изысканно! Ах, как я люблю все изысканное!

Только одному человеку в доме обстановка не понравилась. Десятилетний Ваганчик презрительно сказал:

— На черта! Лучше бы машину купили.

— Что значит «на черта»? Так нельзя говорить, деточка. Ты посмотри, как в комнате стало красиво, — убеждала внука Варвара Товмасовна.

Мальчик передернул худыми плечами.

— Очень надо. Теперь из-за этого на кухне обедаем. Купить бы «Победу» — вот это да! А то у всех «ЗИСы», а у папы даже «Москвича» нет.

— Вот вырастешь, посмотрим, что у тебя будет, — всерьез обиделся на сына Ким.

— Смешно было бы, чтоб я на «Москвиче» ездил, — усмехнулся мальчик. Он был слишком остер на язык.

Варвара Товмасовна уверяла:

— Это все улица. Я тебя прошу, Джемма, не пускай его в школу одного. Если сама не можешь — пусть его водит Калипсе. Сколько я вложила в ребенка, а сейчас все мое сводится на нет.

Маленьким Ваганчик был очень забавен. Он знал наизусть все свои детские книжки. Каждому, кто приходил в дом, Варвара Товмасовна демонстрировала внука:

— Ну, скажи, детка, как ты умеешь, только не спеши...

Пока ребенок, торопясь и заглатывая окончания, произносил стихи, она, шевеля губами, про себя повторяла за ним каждое слово.

Ваганчик мог показать на географической карте Москву, Ереван и Тбилиси.

— Какой развитой ребенок! Вот что значит воспитание! — восторгались гости.

Варвара Товмасовна сияла.

Если Ваганчик шалил, бабушка долго и проникновенно его убеждала:

— Разве ты видел когда-нибудь, чтоб бабушка залезла руками в тарелку, а потом размазывала кашу по столу?

— Личным примером воздействуешь? — смеялся Ким.

— Что ж, неплохой пример, — с достоинством отвечала Варвара Товмасовна. — Для вас, молодых, ребенок игрушка, а ему надо уделять внимание.

Действительно, получилось, что Джемма начала заниматься сыном, только когда он уже пошел в школу.

Окончив институт, Джемма около года работала в лаборатории. Ничего интересного не было в бесчисленных однообразных анализах. Ей казалось наигранным и неестественным увлечение, с которым заведующий лабораторией обращался к сотрудникам:

— Подойдите, взгляните, какая клинически ясная картина! Какой удивительно четкий, красивый препарат!

Ничего красивого Джемма увидеть не могла. Она с радостью ухватилась за первый же повод уйти из лаборатории: ее глаза не выносили длительного напряжения. Ким сказал:

— Кому это нужно, чтоб ты работала? Сиди дома.

Так вышло, что Джемма занялась хозяйством.

А Варвара Товмасовна продолжала работать. Трудно было представить себе, что она не пойдет в свое учреждение. Подтянутая, благодушная, она по утрам появлялась в столовой, по особому рецепту варила себе кофе. Джемма не смотрела в сторону свекрови, не поддвигала ей хлеба. Она говорила с ней только тогда, когда невозможно было не говорить. И как-то само собой получилось, что Джемма перестала называть ее мамой.

Каждая из этих двух женщин будто знала про другую что-то скрытое и молча несла это в своем сердце.

Перед посторонними Варвара Товмасовна вздыхала:

— Так обидно, что Джеммочка временно оторвалась от своей работы...

Собеседники понимающе кивали.

— Я, например, так и умру в упряжке. Но сейчас женщину призывают уделять больше внимания дому, воспитанию детей. Что ж, я нахожу, что и это правильно.

Она смотрела на Джемму с ласковой улыбкой, и все вокруг тоже улыбались.

Но Ваганчик раз спросил у матери:

— Почему ты не любишь бабушку?

— Что за глупости ты говоришь! — рассердилась Джемма.

— Не любишь, — упрямо повторил ребенок, — вот я знаю, что не любишь...

Джемма шлепнула сына. Это был самый плохой способ заставить его замолчать. Но она не знала, что делать. Когда Ваган подрос, стало еще труднее. Мальчик ко всему приглядывался, все запоминал.

Бывало, Ким говорил жене:

— Приготовь в субботу обед получше. Человека три привезу с собой.

— Кто такие? — интересовалась Джемма.

— А черт их знает. Прислали из главка. У нас хорошего никто не сделает, а подгадить может всякий.

Джемма уже перестала спрашивать: «А чего ты боишься? Ведь у тебя на работе все в порядке? Ведь ты честно работаешь?» Кима такие рассуждения раздражали: «Что значит „все в порядке“? Все в порядке ни у кого не бывает. А если человек за моим столом кусок съест, ему потом труднее мне пакость сделать».

Обед готовился по сезону. Весной — отборная севанская форель и спаржа, летом и осенью — долма и шашлык, зимой — плов. За столом слегка опьяневший Ким превозносил достоинства своих гостей:

— Я человека ценю за его личные качества, независимо от его служебного положения и даже независимо от того, как он ко мне относится. Вот когда Иван Самсонович Колманов вошел в мой цех, он нагнулся, поднял проволоку и положил ее в сторону, чтоб она не мешала людям. Помните, Иван Самсонович? Все! Больше мне ничего не нужно! Я уважаю товарища Колманова. Я понял его душу. Я пью за его душу.

Джемма мило улыбалась товарищу Колманову, от которого ее мысли были бесконечно далеки.

На веранде сидел Ваганчик. Гости уже выпили обязательный тост за молодое поколение и по очереди чокнулись с мальчиком. Когда Джемма зачем-то вышла на веранду, Ваганчик поднял к ней серьезное лицо:

— Они все врут, мама, да?

Мать испугалась.

— Замолчи сейчас же, — шепотом сказала она. — И вообще — для чего ты здесь сидишь? Ступай во двор.

Десятилетнего мальчика уже нельзя было отшлепать, как маленького. Но что ему сказать? Как объяснить то, чего Джемма не умела объяснить себе? Но ведь она была хорошей матерью, заботливой, внимательной. Ребенок имел все, что положено, — свой угол, свой столик, игрушки, книги. Она водила его в школу и на сольфеджио. Она следила за тем, как он готовит уроки, и никогда не давала ему денег, зная, что дети от этого портятся. Она не позволяла Киму возить мальчика в школу на машине, потому что это непедагогично...

Но Ваганчик с возрастом все же перестал быть образцовым, показательным мальчиком, которым так гордилась бабушка...

Во время самых горячих поучений Варвары Товмасовны он, сощурился глазами, смотрел в сторону и даже как-то позволил себе насвистывать. Ким не вытерпел и выпорол сына ремнем. Сделал он это неумело, неловко, взволновался, каждый удар сопровождал истерично-визгливым криком:

— Вот тебе, негодяй! Вот тебе, мерзавец!..

Бабушка с каменным лицом ходила взад и вперед по комнате, а Джемма рыдала, уткнувшись в подушку. Потом ей стало плохо и Калипсе бегала в аптеку.

Улучив минуту, когда Джемма лежала одна в комнате, Ваганчик подошел к ней. Не глядя, он сказал:

— Мне не было больно. Ни чуточки.

— Папа и не хотел сделать тебе больно. Он хотел, чтобы ты... — Джемма запнулась. — Он хотел, чтоб тебе было обидно, как было обидно бабушке, когда ты свистел ей в лицо.

— А мне не было обидно, — угрюмо ответил мальчик, — ты не плачь. Ничего мне не было — ни больно, ни обидно.

Попозже пришла Софик — навестить подругу. Она теперь редко показывалась в доме Марутянов, разве только когда болела Джемма. И то — придет, кивнет

Варваре Товмасовне, скажет два слова Киму — и в комнату к Джемме. Даже к чайному столу не выходила.

— Загордилась, — пояснял Ким, — как же, секретарь райкома!

Варвара Товмасовна мечтательно, с легким вздохом говорила:

— Вот ведь растут люди. Вчерашняя фабричная девушка — сегодня руководящий работник. Уважаю. Ничего не могу сказать — уважаю.

Софик вошла в комнату, как всегда шумная и веселая.

— Это вы кого наказали? Бабушка голову завязала, у отца руки дрожат, у матери сердце болит, а сын в кино пошел...

Была у Софик удивительная способность: расскажет о событии по-своему — и действительно все становится на место. Могла посоветовать своему сыну: «А ты дай этому парню разок, если он заслуживает...»

Ее дети уже с первого класса без провожатых бегали в школу, хотя им приходилось дважды пересекать улицу. В ее квартире не было той сияющей чистоты, которой гордилась Джемма. Все это помогало Джемме устанавливать внутреннее равновесие в негласном соревновании с подругой. Пусть Софик шла по жизни своим путем. Для Джеммы на долгое время дом стал источником радости.

Ей доставляло удовольствие вычищать и приводить в порядок все уголки квартиры, переставлять по-новому мебель, придумывать украшение для стены между буфетом и дверью. Ее тщеславию льстило, когда знакомые восхищались яркими чехлами из ситца, бумажными абажурами, которые Джемма сама разрисовала. Зимой к срезанным голым веткам деревьев она привязывала лепестки, вырезанные из белого шелка, — получались букеты цветущей яблони.

День был заполнен. Уплатить за телефон, отдать в чистку костюм мужа, купить нафталин, занести в починку разбитое блюдо. Надо было бы еще воздействовать на домоуправление, чтоб засыпали канаву. В самом деле, для чего-то прорыли ров, теперь он наполнился грязной водой — получился

рассадник инфекции! Из-за этого Ваганчика нельзя выпустить побегать на воздухе.

— Заяви лучше в райсовет, — посоветовала Варвара Товмасовна. — Я всегда считаю, что надо непосредственно к начальству обращаться.

Мысленно Джемма отвечала свекрови: «Конечно, ты сразу к начальству...» Она часто так про себя разговаривала с матерью своего мужа. Даже правильные суждения свекрови, высказанные ее доброжелательным, убеждающим голосом, вызывали в сердце Джеммы протест и раздражение. А лицо ее, располневшее, розовое, и широко расставленные глаза не выражали в эти минуты ни гнева, ни внимания — ничего.

Прежней маленькой Джеммой она чувствовала себя только в доме Софик. Инструктор, или секретарь райкома, Софик оставалась прежней, по крайней мере для Джеммы.

Арто до сих пор работал механиком на том же заводе, и Джемма находила, что он мало считается с общественным положением жены. Он был очень общительным человеком, у него дома часто собирались товарищи — механики, мастера, рабочие. Софик должна была угощать их, сидеть с ними за столом. Иногда Арто снимал со стены гитару, и Софик сильным, гортанным голосом пела народные песни.

Джемме казалось, что подруга должна вести себя иначе. Особенно когда Арто зазывал райкомовского шофера, который возил Софик, и при нем кричал:

— А ну, жена, собери нам обедать... Да поторапливайся!

Детей он тоже воспитывал по-своему. Забирал их с собой в горы охотиться на диких кабанов и косуль. Однажды двенадцатилетний Ваник сорвался со скалы и сломал ногу.

Вот тогда Джемма и высказала Софик, что думала о ее семейной жизни.

Софик рассмеялась.

— Насчет детей — Арто молодец, — сказала она хвастливо, — пусть настоящими мужчинами будут! А в остальном есть твоя правда. Иногда я

устану или работа срочная есть, а к мужу друзья пришли — и ничего не поделаешь, надо с ними сидеть.

— Просто он у тебя эгоист.

Софик покачала головой:

— Не понимаешь ты... Он гордый! Ему иной раз трудно бывает. Жена на ответственной работе, жена депутат, у жены ордена. А он тогда кто? Вот для него и важно доказать и себе и другим: на работе — одно, а дома — другое. Дома — я мужчина, я голова, как скажу, так и будет!

— Дикость. — Джемма пожала плечами. — И ты этому потакаешь.

— А я его люблю! — весело ответила Софик.

Таковы были семейные дела у подруги. А у Джеммы... Что ж, у нее все шло нормально. Даже о свекрови Джемма не могла сказать ничего плохого. Иногда рассказывала Софик свои сны:

— Понимаешь, вот живу, и все у нас хорошо. А потом вдруг приснится сон. Ах, это трудно передать! Будто кто-то меня любит, но не просто, а особенно, как в жизни не бывает. Не могу описать — кто, я его даже не вижу, но знаю, что он меня ждет. Бегу, открываю какие-то двери, и вот последняя дверь — и вдруг просыпаюсь. Все вокруг знакомое, обычное. И такое на меня отчаяние нападает, такая тоска ни с того ни с сего, что и жить не хочется. Потом день, два вспоминаю сон. Закрою глаза и вспоминаю...

Софик порывисто обнимала подругу:

— Ах, ты у меня как заноза в сердце!..

Почему? Джемма не спрашивала. Мало ли что придет в голову Софик! Иногда она могла такого наговорить! И разве Софик не приставала к Джемме: «Ну, поведи меня к своей портнихе, выбери мне фасон платья!» Или требовала: «Научи — чем лицо мазать?»

Кожа у Софик была обветренная, с кирпичным румянцем, как у крестьянок. Иногда она до ночи оставалась за городом, в поле, на испытаниях какого-то электрического трактора или часами простаивала на заводе у печей, от которых шел обжигающий жар. И когда она возвращалась с работы веселая

или огорченная, ни в этой радости, ни в этой грусти не было места участию и сочувствию Джеммы. Тогда она заставляла себя думать, что занавески у Софик не первой свежести, что один из мальчиков захватил где-то стригущий лишай, что завтра Софик придется встать в пять часов утра и снова испытывать этот трактор, из которого еще неизвестно что получится.

Но все это не могло затушить недовольства собой и зависти.

Она завидовала наслаждению, с которым Софик ела разогретый суп, удовольствию, с которым она стягивала пыльные сапожки, завидовала делу, которое заставит ее подняться на заре...

Джемма ходила по комнатам своего дома, поправляла в вазочках белые неживые цветы, перемывала хрустальные бокалы и вазы. От этого уже нельзя было уйти. Никакие сны ничего не могли изменить. В субботу по вечерам собирались родственники, знакомые. Дом оживлялся. За чайным столом Варвара Товмасовна вела разговоры главным образом о своем внуке. Она демонстрировала его гостям, как и тогда, когда он был крошкой.

— Я человек объективный, но, право, такого остроумного мальчика в наши дни не часто встретишь...

Ваган потешал всех, рассказывая, как школьники старших классов ездили помогать пригородным колхозам.

— Лично я устроился на уборку винограда. Сколько мог — убрал, — он выразительно хлопал себя по животу.

— И все у вас так работали? — спрашивал кто-нибудь из гостей.

— Нет, отчего же! Всегда находятся ишачки.

— Ваганчик! — укоризненно восклицала бабушка. — Вас направили, чтобы помочь колхозникам. А ты как-то несерьезно относишься к этому большому делу. Мне это не нравится.

Голос звучал строго, а в глазах, которые она переводила с мальчика на присутствующих гостей, было приглашение: «Полюбуйтесь, ну что за ребенок!»

— Бабушка, представь себе, я точно так сказал на собрании! И как мне хлопали!

Варвара Товмасовна объясняла:

— Трудный переходный возраст. Но голова у мальчика прекрасная.

Марутяновская голова. И очень доброе сердце.

Джемма молчала. Она знала: сын принадлежит не только ей, Варвара Товмасовна имела на него такие же права.

Джемма пыталась поговорить с мальчиком. Как-то ночью, когда он собирался лечь, подошла и положила руку ему на голову. Волосы, которые были когда-то такими нежными, теперь лежали непокорно-курчавой шапкой.

— Детка моя... — Джемме хотелось найти что-нибудь очень убедительное, — мне не нравится, как ты живешь, — с болью сказала она.

— Почему? — спросил Ваган.

Потом погладил руку матери:

— Мама, ты ничего не знаешь о жизни!

В его голосе Джемма услышала превосходство и, как ей показалось, презрение.

Она хотела верить в доброе сердце сына, но мальчик ничем не подтверждал этого.

Ким считал, что слишком долго засиделся на месте начальника цеха. И винил в этом Толояна.

— При другом директоре я, может, давно был бы главным инженером. А этот и меня продвинуть не хочет, и с завода не уходит.

Варвара Товмасовна на правах родственницы полушутливо говорила:

— Надо растить людей, Грикор. Выдвигать. Доверять.

Но у Толояна, видимо, были свои соображения. Он хмуро поглядывал в сторону Кима и бормотал:

— Не все сразу, не все сразу...

Ким нервничал:

— Нет, пока он на заводе, мне вперед не шагнуть. Старик, верно, боится, что ему пенсии не хватит.

Эти слова пятнадцатилетний Ваган повторил в лицо дяде Грикору:

— Думаешь, тебе пенсии не хватит! Ты ведь уже старый, песок сыплется. Из-за тебя папе ходу нет!

Спокойно и даже дружелюбно он сказал это старику, который носил его на руках.

Дядя Григор шарил по вешалке, отыскивая свое пальто. Варвара Товмасовна убеждала его:

— Пустяки, ну пустяки, Григор... ребенок ведь... Не обращай внимания... Ай-ай-ай, стыдно тебе!

Но когда вернулась в столовую, удовлетворенно сказала:

— Ничего. Один раз выслушал правду в лицо. Теперь уйдет.

Через две недели Толоян ушел на пенсию. Варвара Товмасовна решила устроить кутеж и пригласить нового директора. Марутяны уже давно к себе никого не звали, а тут был и повод — годовщина свадьбы Кима и Джеммы.

Список приглашенных все разрастался. Варвара Товмасовна напоминала:

— А Сарумянов ты пригласила? Ведь они вас позвали в прошлом году, когда новую квартиру получили. А Софик позвонила?

Три раза на дню она повторяла:

— Софик обязательно надо позвать. Арто на таре поиграет.

Меньше всего старухе нужны были Арто и его тара.

Джемма отмалчивалась и тянула. Ни к чему сейчас Софик ее душе. Не хотела она видеть понимающие — глаза старого друга. Так и не позвонила. И не позвала.

Когда уже все было готово и дом, в парадном блеске, наполненный вкусной едой и напитками, затих, готовясь принять гостей, Джемма в своей комнате принялась рассматривать новое платье.

Как меняются моды! Теперь даже странно вспоминать о подкладных плечиках. Первый раз она вышла на свидание с Сергеем в пальто с широкими прямыми плечами. Тогда казалось красиво...

Кто это говорил ей недавно, что Сергей женат и у него есть дочка? Все проходит, забывается...

Наконец она нашла хорошую портниху. Линия безукоризненная. Юбка и рукава одинаково плавно суживаются книзу...

Кто окажется, что она плохо устроила свою жизнь? О чем ей жалеть?

Уже звонят. Неужели гости? Нет, кажется, телефон...

— Возьмите кто-нибудь трубку! — крикнула Джемма.

Нитка жемчуга запуталась, никак ее не разобрать. Вот наказание!

В передней работница долго и бестолково спрашивала:

— Кого? Чего? Это квартира... Да, Марутянов квартира...

Джемма не вытерпела и выскочила в переднюю.

— Вас беспокоят из третьего отделения милиции, — сказали ей. — Задержан ваш сын Ваган Кимович Марутян.

Затрепетало и замерло сердце. Надо было что-то сделать — и все вдруг стало безразлично...

Словно поняв недоброе, в переднюю выглянула Варвара Товмасовна.

— Что? — тревожно спросила она.

Работница все же кое в чем разобралась.

— Ваганчика нашего в милицию утянули... Машину угнал... — запричитала она.

Джемма молча смотрела на свекровь, и под этим взглядом с Варвары Товмасовны сходило сияние благодушия и доброжелательности. Лицо ее стало недобрый, серым, напряженным. С отчаянием она охватила пальцами щеки:

— Мой внук...

А потом, широко раскрыв черные глаза, крикнула в лицо Джемме:

— Твой сын!

И Джемма ушла, чтобы не видеть ее и не слышать того, что она еще может сказать.

Отменить званый вечер оказалось невозможно.

— К чему давать людям повод для сплетен? — сказала Варвара Товмасовна. — Главное — чтоб никто ничего не заметил.

Она подкрепилась чашкой черного кофе. Только очень близко знающие ее люди могли уловить темную настороженность глаз на спокойном лице.

Недовольно брюзжа, Ким отправился в отделение милиции:

— Какая-нибудь мальчишеская выходка. Блюстители порядка перестарались. Я его сейчас приведу.

Гости собирались. Звонок, еще звонок...

— Здравствуйте, здравствуйте... Наконец-то мы вас у себя видим. Выглядите чудесно... Да что вы! Как провели лето?

Еще десять минут назад Джемме казалось, что она не сможет произнести ни одного слова. Но слова были такие привычные, что выговаривались сами, и губы тоже улыбались сами.

Кто-то спросил: «А где наследник?» Кто-то ответил: «О, там уже, наверно, свои интересы...»

Джемма улыбалась.

Где сейчас был ее маленький ребенок, «муха в молоке», ее худенький мальчик с пытливыми глазами, ее взрослый красивый сын? Что он сделал, что сделали с ним?

Вернулся муж. Джемма увидела его, когда он уже обходил гостей за столом.

— Да вот задержался... Дела, дела... Даже в такой день — дела! А ты, Серго, похудел, помолодел. Сусанна Артемьевна, берегите мужа, а то как бы...

Варвара Товмасовна следила за Кимом тяжелым, вопрошающим взглядом. Он в ответ покачал головой. Потом они оба куда-то исчезли. Джемма осталась за столом — в неведении, в тревоге. Ей невозможно было пробиться сквозь ряд сидящих людей.

Улыбаясь, она спрашивала:

— С лимоном? С вареньем?

Варвара Товмасовна снова появилась в столовой. У нее ничего нельзя было спросить. Ким отводил глаза.

Как она была одинока, как страшно одинока! Никто не думал о ней.

Звать к себе гостей — означало их кормить, удивлять обилием и разнообразием угощения. Едва убрали со скатерти чай и сласти, как заставили стол закусками, бутылками, блюдами.

Долго усаживались. Долго выбирали тамаду. Пока не выпьют за каждого гостя с длинными тостами, ответными речами, с музыкой, никто не встанет из-за стола. Надо сидеть с улыбкой, от которой легкими судорогами подергивается лицо.

Джемма сидела. Она слушала хорошие слова о себе и о своем муже. Она пила за здоровье своего сына.

В двенадцатом часу прозвучал резкий звонок. Запоздалый гость? Кого не хватает?

Варвара Товмасовна обвела стол округлившимися в тревоге глазами. Потом заулыбалась.

Это, наверное, Софик. Ну, ее можно извинить за опоздание. Человек на такой работе... И у нас она запросто. Девчонкой была — не выходила из нашего дома.

Джемма знала, что Софик не придет. Джемма не звала ее на свой праздник. Но вошла Софик. Она стояла, опершись рукой о косяк двери, ослепленная ярким светом лампочек, блеском хрусталя, оглушенная нестройным шумом голосов и звяканьем ножей и вилок.

— Гром, разразись над моей головой! — негромко сказала Софик. — Что это, праздник у вас?

Навстречу желанной гостье торопилась, переваливаясь на ходу, Варвара Товмасовна.

— Ну, наконец-то, наконец-то... А мы уж ждали, ждали — да сели за стол без тебя.

Софик смотрела мимо нее.

— Где твой сын? — резко спросила она у Джеммы.

Сразу стало тихо. Джемма поднялась с места.

Спасением был гнев, прозвучавший в голосе Софик.

Джемма сразу забыла чужих людей, сидевших за столом. Голос Софик снял мучительное напряжение с ее лица, губ, сердца. Она зарыдала.

Варвара Товмасовна повторяла:

— Это ничего, ничего...

Кто-то закричал:

— Воды, воды дайте...

Джемма отстранила все руки. Она шла к Софик. И Софик увела ее в спальню и закрыла дверь.

— Что ты теперь плачешь? — непримиримо опросила Софик. — Иди веселись, развлекай гостей. — И она снова страстно повторила старые народные слова, выражающие крайнюю степень удивления и возмущения: — Гром, разразись надо мной! Что вы за люди!

— Софик, что он наделал? Что он сделал, Софик?

— Если я тебе скажу, что он украл, ты согласишься? Если я тебе скажу, что он убил, ты согласишься? Горе твоему сыну, ты всему согласишься!

Да. Это было самое страшное. Самое тяжелое, что она не бросилась туда, где обвиняли ее мальчика, не кричала, что все ложь, ошибка, что он не может ни украсть, ни убить, ни оскорбить. Она боялась узнать и была готова верить всему.

— Машину чужую угнали, — сухо и горько сказала Софик, — четверо их было. Вести никто толком неумел. Выехали за город, сшибли с ног старика. Испугались. Хотели удрать — машина перевернулась. Парень, который сидел за рулем, погиб. У одного рука сломана. Ваган здоров.

— Здоров, — простонала Джемма, — он здоров!

— А ведь я своими руками внесла ребенка в этот дом! Для чего ты жила? Что у тебя есть, кроме сына? Это? Это?

Она с ненавистью указывала на резные деревянные кровати, на кружевные занавеси.

— Нет, — твердила Джемма, — нет, Софик, нет... Скажи, что мне делать...

— Боль моя! — Софик обхватила руками плечи подруги, прижала ее к себе. —

Утешать не буду. Все, что положено по закону, он получит.

Мягкие плечи Джеммы содрогнулись. Софик крепче прижала ее к себе и заговорила быстро и горячо:

— Слово тебе даю — человеком станет. Он еще молодой, он еще жить будет по-настоящему. Ты верь мне.

Теперь они говорили вполголоса, почти шепотом.

В квартире все затихло. Гости, видимо, разошлись. В коридоре раз-другой скрипнули половицы. Это Варвара Товмасовна в мягких туфлях ходила у дверей.

Как же остаться здесь — одинокой, с таким горем на сердце, никого не любя, никого не уважая?

— Софик, я уйду с тобой.

— Ах, я давно должна была увести тебя отсюда.

Она помогла Джемме надеть пальто, накинула ей на голову шарф.

Джемма взяла со стола сумочку, выдвинула ящик — надо было захватить главное: паспорт, аттестат, чтоб больше не возвращаться.

— Идем, — сказала Софик, морщась, — тряпки потом возьмешь. А не возьмешь, тоже не жалко.

Джемма оглядела комнату. Все тут было чужое. Уже невозможно открыть дверцу шифоньера или тронуть один из хрустальных флаконов на столе.

Они прошли через настороженно притаившуюся квартиру. Варвара Товмасовна из глубины коридора проводила их внимательным взглядом. Ким сутулился у стола, заваленного грязной посудой.

Ожесточение не позволило Джемме замедлить шаг. Если б ее попробовали остановить, она закричала бы. Но никто не мог подумать, что Джемма уходит навсегда. Она понимала ход их мыслей: «Джемма уговорила Софик

похлопотать за мальчика, Софик найдет доступ к человеку, от которого зависит судьба Вагана».

Дверь захлопнулась.

Улица была пустынная, незнакомая. Софик сказала:

— Все равно не уснем. Пойдем в нагорный парк. Там хорошо дышится.

В этот парк Джемма возила в колясочке сына. Потом водила за руку. За маленькими столиками они ели мороженое. Ваганчик всегда бежал прямо к столикам.

— Софик, ты сама его видела?

— Нет. Его видел мой Ваник. Говорит — держался как мужчина. Вину взял на себя. Потом я позвонила, расспросила. У Вагана только рука оцарапана.

Больше они ни о чем не говорили.

Парк очень разросся с тех пор, как Джемма перестала туда ходить. Дорожки, обсаженные молодыми деревцами, превратились в тенистые аллеи. Пахло цветами, мокрой травой. За поворотом вдруг открылся весь город. Он лежал будто огромная звезда из сияющих точек. От звезды отходили прямые, четко очерченные лучи — магистрали проспектов, ведущих к новым районам города. У горизонта трепетало зарево.

— Заводские печи, — тихо сказала Софик.

Свежий ветер овеивал лицо Джеммы. Где-то среди мерцающих огней была маленькая точка — дом, который она покинула.

Джемма глубоко вздохнула. Ей показалось, что впервые за много лет в грудь ее врывается, струя чистого воздуха.

— Никогда бы мне больше не видеть этих людей!..

Но ей пришлось еще раз встретиться с Варварой Товмасовной.

Прошло три года.

Джемма возвращалась с работы. Она нарочно не открыла дверь своим ключом. Позвонила. Было так приятно слышать шаги мальчика. Еще не прошло ощущение счастья от того, что он рядом, что на вешалке висит его пальто, на столе сложены его книги, а к обеду ставятся два прибора.

Но сегодня Ваган пообедает один. Джемма едва успеет переодеться. В шесть часов конференция, и она просила, чтоб за ней заехали пораньше.

У Вагана было странно растерянное лицо.

— Там бабушка ждет. Она пришла к тебе.

«Какая бабушка?» — чуть не спросила Джемма. Потом сразу поняла. Медлить было не к чему. Смирив волнение, она пошла навстречу женщине, которую когда-то называла матерью.

Многое изменили эти годы. Оплыла и осела фигура Варвары Товмасовны, поседели волосы, обвисли щеки. Но глаза, по-прежнему внимательные, быстрые, оглядели Джемму, все увидели, все оценили. К Джемме приветственно потянулись руки. Сделай она движение — и старуха обняла бы ее.

Джемма сказала:

— Садитесь, пожалуйста...

Варвара Товмасовна сцепила в воздухе пальцы протянутых рук:

— Как давно мы не виделись!

Жест получился вполне естественный.

— А я тут браню Ваганчика — редко, редко он стал баловать нас своим вниманием. Нехорошо, нехорошо, мой мальчик. Папа нуждается в твоём присутствии...

Джемма подумала: «Не о внуке она пришла со мной говорить. Не начала бы она так прямо».

Ваган ускользнул за ширму. Джемма села. «Что ей надо?» — думала она.

Варвара Товмасовна огляделась.

— Эти однокомнатные квартирки маловаты, но удобны. Софик тебе выхлопотала?

— Нет. Мне ее дали на работе.

Старуха покачала головой:

— В свое время ты не хотела работать. А ведь как я тебя уговаривала!

Джемма молчала.

— Ты не думай, что я на тебя сержусь. Я понимаю: ты не любила Кима, он был тебе неподходящим мужем. Как ты знаешь, я объективный человек. Что ж! Все в жизни бывает. Единственно плохо, что ты покинула нас в такую трудную минуту, не сказав ни слова. Разве я не заслужила твоего доверия?

Знакомые интонации, которые можно пропеть как мелодию! Но для чего она пришла? И чем она встревожена?

— Стоит ли вспоминать старое? — сказала Джемма.

— Нет, это я так, между прочим. Конечно, о чем говорить! Ты живешь, работаешь. Ким тоже устроил свою жизнь. Его жена — милая женщина, хотя между нами нет полного понимания, как было с тобой. Я верна своему принципу: не вмешиваться в жизнь молодых. Спросят — посоветую. Не спросят — своего мнения не навязываю.

Джемма представила себе, как в доме Марутянов женщина бьется в этих ловко расставленных словах. Ей стало жалко вторую жену Кима.

— Сердцу не прикажешь, — вздохнула Варвара Товмасовна. — Ким очень любил тебя. Тосковал. Но что он мог сделать? Ты ушла сама, по доброй воле... Не правда ли?

— Да. Это верно, — подтвердила Джемма.

Варвара Товмасовна, прищурясь, взглянула на нее.

— Напиши это, дочка, — сказала она и будто спохватилась: — Уж прости, я привыкла так тебя называть...

«Вот для этого она и пришла», — догадалась Джемма, еще не понимая, что именно она должна написать.

— Дай справку, что ты ушла от Кима сама, по своему желанию.

Джемма подумала: «Как с работы. Уволилась по собственному желанию».

— Для чего это нужно?

Старуха ответила уклончиво:

— Знаешь, у человека всегда есть враги. Возникают всякие кривотолки, сплетни...

— Прошло три года, — сказала Джемма, — он женат на другой. Какие сплетни?

— Когда возбуждают вопрос о моральном облике человека, принимается во внимание вся жизнь. И справка первой жены может иметь некоторое значение.

Варвара Товмасовна сказала это деловито и строго.

Джемма все поняла... Недаром она много лет жила в доме Марутянов. Кому что-то угрожает. Беду надо предотвратить. И уже все обдумано: у того взять справку, тому позвонить по телефону, с тем поговорить. Все пригодится. Как всегда, большие слова служили ничтожной цели. Но как много времени прошло, прежде чем она это разгадала! «Почему я должна что-то писать? Почему они снова запутывают меня в свою жизнь?»

Варвара Товмасовна выжидательно смотрела на нее. Пальцы с удлинненными ногтями постукивали по столу.

— Мама! — глухим голосом позвал Ваган.

Она обрадовалась возможности хоть на минуту уйти. Ваган стоял у открытого окна.

— Дай ты им эту справку, — сказал он. — Дай, прошу тебя...

Его лицо брезгливо кривилось.

Варвара Товмасовна прочла несколько строк, написанных мелким почерком Джеммы, и спрятала бумажку в сумочку. Больше ей здесь ничего не надо. Ее лицо замкнулось.

На прощание сказала холодно:

— А ты, кажется, полнеешь. Нехорошо!

Ваган помог бабушке спуститься по лестнице.

Джемма подошла к окну. Стояла лучшая пора года в Армении — время сбора винограда и персиков, время прозрачных безветренных дней и теплых звездных ночей.

Раздался шум подъехавшей машины. Два коротких негромких сигнала.

Она еще раз взглянула в зеркало. Разгладила морщинку у лба.

— Надо идти...